

BOOK REVIEW

ЛУЦЕВИЧ Л. Ф. *Автобиографические исповеди в литературе. Претексты. Тексты. Контексты*. Москва: «Наука», 2020. 502 с.

Reviewed by *Ágnes Dukkon**

Received: 17 April 2021 • Accepted: 22 May 2021

© 2021 Akadémiai Kiadó, Budapest

Автор книги Людмила Луцевич, литературовед, историк литературы, профессор Варшавского университета публикует результаты многолетней исследовательской работы в монографии, посвященной истории автобиографических исповедей. Ее интерес направлен на анализ жанра, существующего в европейских литературах и сегодня, – исповедь / покаяние и на конституирующие его психологические, духовные, культурные процессы в рамках русской литературы. Автор провел огромную работу по истории жанра, проанализировав важнейшие европейские «образцы» от средневековья до конца XIX века на материале значительного числа русских текстов, принадлежащих к исповедальной литературе.

Структура исследования ясно отражает концепцию автора: первая часть («Вместо введения») посвящена теоретическим, методологическим вопросам, необходимым для последующего анализа конкретных произведений. Во второй части («Три исповеди в пространстве европейской литературы») подробно рассматриваются сочинения бл. Августина, Пьера Абеляра и Руссо, так как они послужили появлению русских произведений этого жанра и являются необходимой основой для их анализа. Здесь же автор отводит место российской рецепции этих авторов, представляя ее через произведения выдающихся творцов Серебряного века – Дмитрия Мережковского, Дмитрия Filosofova, Василия Розанова и Георгия Федотова. Противоречивая личность Руссо низводит поток озарений в сознание представителей русского религиозного возрождения, Д. Filosofov видит во французском мыслителе прямо карамазовские свойства: столкновение цинизма, безот-

* Corresponding author. Department of Russian Language and Literature, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary. E-mail: dukkonagnes@gmail.com

ветственности с возвышенными мыслями, стремлением к добру. Василий Розанов, называя Руссо «литературным бродягой», характеризует его импрессионистскими понятиями и образами. Медиевиста Георгия Федотова в монографии, посвященной Абелияру (1924), интересуют проявляющиеся в признаниях средневекового ученого личностные черты и способ самоанализа.

Третья часть («Исповеди в пространстве русской культуры») по объему значительно превосходит первые две, так как здесь подробно рассматриваются отдельные русские исповеди / покаяния – семнадцать произведений от средневековья до конца XIX века. Среди авторов исповедей / покаяний можно упомянуть имена Евфимия Туркова (XVI в.) и протопопа Аввакума (XVII в.), среди произведений конца следующего века – императрицы Екатерины Второй, драматурга Дениса Фонвизина и писателя, поэта и историка Николая Карамзина. Сочинение Карамзина («Моя исповедь», 1802) отличается от предшествующих и последующих покаянных текстов тем, что здесь автор создает самохарактеризацию вымышленной персоны, можно сказать, сатирически изображенного «антигероя» времени, в котором проявляются характерные черты лермонтовского Печорина и демонической фигуры Ставрогина Достоевского. XIX век – век изобилия исповедей и покаяний: предмет анализа здесь составляют исповеди, «признания», самооправдания выдающихся писателей, художников, критиков и церковных деятелей (среди них Петр Вяземский, Гоголь, Н. Огарев, К. Леонтьев, Л. Толстой), наряду с ними – и царствующей особы (Николая I), а также – революционеров, террористов (М. Бакунин), раскаявшихся бунтарей (Лев Тихомиров). Можно согласиться с автором, что эти покаяния и исповеди, содержащие автобиографические элементы, еще не получили достаточного научного освещения, в то время как во многих случаях нельзя пренебречь не только их литературным значением, но и ценностью с исторической и культурной точек зрения. В контексте исследования в целом прослеживаются этапы преемственности жанра и одновременно – его изменений с течением времени.

Жанр, вынесенный в название книги, и слово, его означающее, – исповедь – имеет двойное значение в русском языке и культуре: 1. религиозное таинство, исповедь; 2. литературно-философско-публицистический жанр, *confessio*. В предисловии к книге Людмила Луцевич также обсуждает судьбу жанра в XX веке: советская эпоха, атеизм как официальное мировоззрение стремится исключить, искоренить его из мира литературы из-за очевидных христианских корней, а затем, начиная с 1990-х годов, после распада Советского Союза, наблюдается явление противоположного порядка. Среди поэтов, философов, политиков, режиссеров, критиков становится поистине модно публиковать исповеди и «покаяния», что, однако, и ставит под сомнение достоверность этих сочинений: часто авторами движет лишь нарциссическое самолюбование, стремление создать православный имидж.

Наряду с признанными в мировой литературе покаяниями и исповедями (сочинения Гоголя, Толстого) Луцевич затрагивает малоизвестные или малоизученные автобиографии и апологии, которые имеют в то же время чрезвычайно важный исторический, историко-литературный характер как документальные произведения. Такова исповедь Николая Мартынова, убившего на дуэли Лермонтова: даже по прошествии многих лет звучит не голос раскаяния, а голос самооправдания. Князь Петр Вяземский, поэт, критик, близкий друг Пушкина, высокопоставленный царский чиновник и дипломат в 1830 году пишет политические признания («Моя исповедь»), чтобы очистить свое имя перед Нико-

лаем I, отвергнуть недостойную клевету, вернуть себе уважение и восстановить карьеру. Вяземский служил с 1817 по 1820 год в министерстве иностранных дел в Варшаве, но из-за своих либеральных взглядов и определенных заявлений потерял благосклонность двора и был уволен. В его сочинении духовный исповедальный характер смешивается с апологией, преследующей цели светские, здесь слышится не раскаяние, а самооправдание, страстное стремление добиться истины и восстановить справедливость.

Глубокий и чуткий анализ дан трем произведениям Гоголя, которые можно отнести к жанру исповеди / покаяния, – «Выбранные места из переписки с друзьями», неопубликованная при жизни «Авторская исповедь» и письмо, написанное другу поэту Василию Жуковскому (глава «Исповеди Николая Гоголя»). Все они появились в 1847 году. В этих текстах можно проследить интересную связь между эпистолярной литературой и жанром исповеди: форма письма открывает широкие возможности разнообразным видам личного общения, таким, например, как фактическая исповедь, самоанализ и самооправдание, осмысление нравственных и религиозных учений, определение своего кредо. «Выбранные места» получили бурный отклик у современников – и признание, и неприятие, в печати явились нападки на автора, заставившие Гоголя признать их справедливость. Так, из-за не вполне подлинной «исповеди» «Выбранных мест» явилась новая – «Авторская исповедь», в которой писатель пытается подвергнуть себя более строгому, чем прежде, анализу, преследуя не литературные цели; по мнению Луцевич, однако, писатель все-таки стремится оправдаться, дать объяснения. В тексте соединяется искреннее намерение исповеди как церковного таинства и антропоцентричность сознания писательской миссии вместе с ориентацией на коммуникацию с читателями в силу избранности автора; и, однако, как указывает исследовательница, в конечном счете Гоголю удалось воплотить требования подлинного покаяния: он не опубликовал свое самооправдание, и в этом жесте, в немой борьбе, продолжавшейся с самим собой, выражается смирение, а оно есть главное условие внутреннего очищения и познания себя. В связи с исповедальными текстами Гоголя автор монографии цитирует важные исследования Ю. Лотмана, посвященные проблеме биографии и указывающие на то, что писатели XIX века стремились к созданию и конституированию не только своей художественной личности, но и биографической. Ибо, как указывает Лотман, в послепетровскую эпоху писатель занимает то место, которое раньше принадлежало проповеднику, подвижнику, духовному лидеру и даже пророку.

Весьма подробный анализ «Исповеди» Льва Толстого обогащает результаты предшествующих исследований и эссе существенными, новыми аспектами («Исповедь» Льва Толстого). Одним из них является толкование дневников Толстого как претекста «Исповеди». С юных лет до самой смерти писатель систематически вел дневник, благодаря чему можно проследить возникновение духовного кризиса и его фазы, что подводило Толстого к написанию «Исповеди» в 1879–1882 годах. Толстой пытается побороть фундаментальные вопросы человеческого существования (смысл жизни и неизбежность смерти), поскольку как сын своего времени он ждал разрешения вопросов, неподвластных разуму, от рационального познания. В этом произведении Толстого Людмила Луцевич поднимает и более глубокий уровень, скрытый за личиной художественности, где можно уловить в самом деле пережитое покаяние: обращение писателя, признавшего гордость разума и освободившегося от нее, к Богу.

В конце монографии суммируются ценные размышления автора, приводится указатель имен и резюме на английском языке, занимающее шесть страниц («Вместо заключения»,

«Указатель имен», «Summary»). Последнее тем более важно подчеркнуть, что значительный научный труд, восполняя пробелы и освещая разнообразные новые взгляды в сравнительном подходе, учитывает таким образом интерес литературоведов, историков и других специалистов вне русской культуры и языка.

